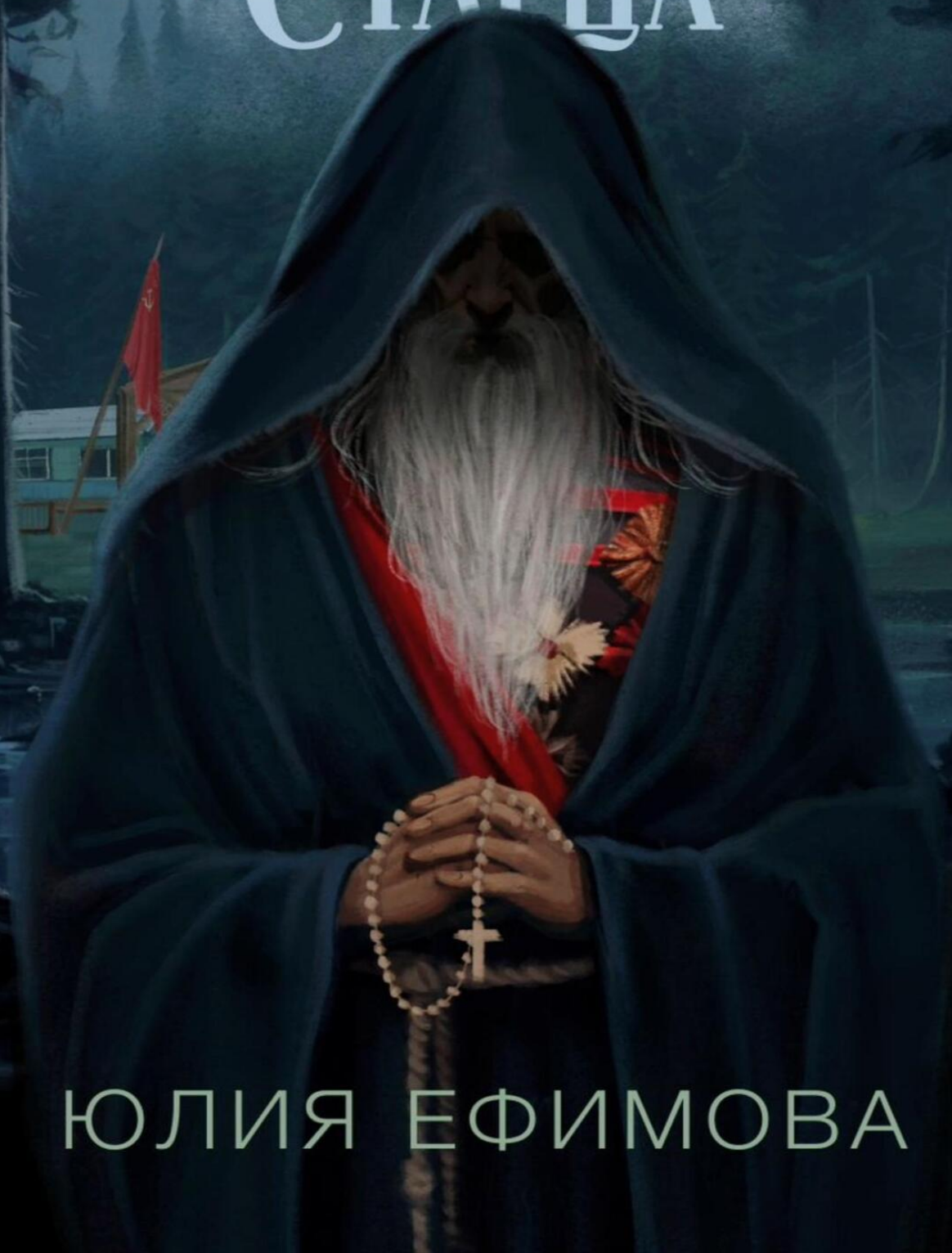

СЕКРЕТ СИБИРСКОГО СТАРЦА

18+

ЮЛИЯ ЕФИМОВА

Юлия Ефимова
Секрет Сибирского Старца

Приветствую тебя, мой дорогой читатель!
Перед тобой сейчас не трактат на тему
истории России, не «настоящий»
детектив, основанный на реальных
событиях. Перед тобой рассуждение
автора на тему... Все герои, все события
и имена вымышлены, являются плодом
фантазии автора, а совпадения
случайны.

Из поступков людей рукодельница
Жизнь плетет судьбы кружева.
Беззаботно вплетает кудесница
Зло большое к охапке добра.

Даже шаг в стороне не останется,
Пусть и малый, на первый взгляд.
Все в работу пускает жеманница,
Создавая последствия ряд.

Ты обидел кого-то намеренно,
Ты случайно кому-то помог.
Все, как пряжу, спокойно, уверенно
В кружевной заплетает платок.

Но на том ничего не кончается,
И твое судьбы полотно
С другими переплетается,
Создавая России панно.

И бесстрастная кружевница,
На планету надев мундир,
Монотонно к душам стучится:
«Вы в ответе за этот мир».

Санкт-Петербург

31 августа 1825 года

Александро-Невская лавра

Александр вышел из кареты и стал всматриваться в темный силуэт лавры. Он прибыл сюда инкогнито для встречи со своим давним духовным наставником старцем Алексием, в миру Алексеем Шестаковым.

Александро-Невская лавра была резиденцией столичной духовной власти и местом частых паломничеств царской семьи. Здесь нередко совершались торжественные богослужения в присутствии августейших особ, и поэтому все монастырские строения и храмы отличались пышным великолепием. Отец Александра, Павел I, в свое время приказал переименовать Александро-Невский монастырь в лавру со штатом наравне с Киево-

Печерской и Троице-Сергиевской лаврами, тем самым сделав ее одной из богатейших и красивейших обителей страны.

Отец... Он сегодня опять снился Александру, эти сны уже вошли в привычку, но не стали от этого менее кошмарными. Он плохо его знал, потому как воспитывался подле бабки Екатерины, но во снах Александр предстал перед отцом именно маленьким мальчиком. Обычный сценарий был таковой: Павел входил в комнату, где спал маленький Александр, и, наклоняясь над его кроватью, зловеще шептал: «Вставай, отцеубийца, пора Россией править».

Сегодня же сон был иной, но не только сюжетом, а даже качеством был похожим на явь. Сегодня впервые Александр был своего возраста и находился не в детской, устроенной в Царском Селе при Екатерине, чтобы она могла посещать внука, которого планировала посадить после себя на Российский трон, а в своей собственной спальне, что он делил со своей супругой Елизаветой Алексеевной. Павел в этот раз не злился и не брызгал слюной, а лишь тихо и жалостливо сказал: «Что, Алексашка, пора спасти Россию, конец ей идет. А все ты виноват, ты, положил грех отцеубийцы на все последующие поколения нашего рода. Страшные, кровавые времена ждут Россию, и такие, что Наполеон покажется ангелом. Так что иди и отмаливай свои грехи, может, чем России и поможешь».

Александр даже впервые хотел ответить отцу, мол, какой конец, я победил Наполеона Бонапарта, я присоединил к России земли восточной Грузии, Финляндии, Бессарабии и бывшего Герцогства Варшавского. Все беды позади! Но голос не подчинялся и словно застрял в горле, превратившись в ком. Павел же, словно прочитав мысли сына, успокаивающе похлопал его по руке и ответил на незадаанный вопрос: «Россия, сын мой, может уничтожить только сама себя, изнутри, никакие внешние силы ей не страшны». После этих слов он не исчез по обыкновению, не рассеялся в воздухе, а медленно вышел из опочивальни, осторожно закрыв за собой дверь.

– «Летопись Времен» заговорила, – услышал он у себя за спиной и обернулся. Даже в кромешной темноте двора лавры было видно, как сильно постарел его духовник. Он был для Александра хорошим наставником, особенно тогда, в те страшные годы, когда убедил императора, что только Бог и покаяние спасут Россию.

Зная, что духовник скажет именно то, что надо, и не более, император Александр I молчал и не задавал никаких вопросов.

– Помнишь ли ты, не забыл ли, как мы с тобой и Александром Голицыным в период нашествия Наполеона, летом 1812 года сутками неистово молились Богу, прося его помощи и защиты, и он нам ее дал. Когда Москва горела, только Божья воля могла помочь нашей Родине... Пришла пора отдавать долги.

Александр не видел лица духовника, но ему почему-то казалось, что по его щекам текут тихие слезы.

– В Крыму, в Георгиевском монастыре хранится реликвия, знание о которой монахи держат в строжайшем секрете. «Летопись Времен», книга, которая говорит, когда мир стоит на пороге краха, и допускает к себе только того, кто может помочь, отмолить его перед Господом. Также ее называют «берегиня», потому как считается, что именно она хранит Россию.

– Как книга может говорить? – не удержался Александр. Он, безусловно, верил в Бога, знал Святое Писание почти наизусть и умел правильно трактовать все сказанное в нем. Он не просто верил в Бога, Александр I, император и самодержец Всероссийский, великий князь Финляндский, царь Польский точно знал, что Бог есть. Но вот к мирским чудесам вроде разговаривающих книг Александр относился скептически.

– Тебе придется увидеть это самому, – со вздохом сказал духовник. – Книга требует к себе правителя. Вчера в лавру пришел монах, который принес мне тайное сообщение. Тебе придется поехать в Крым и послушать эту книгу.

– Когда? – спросил Александр, обдумывая, закончил ли он самые важные из текущих дел.

– Как можно скорее, – качнул головой духовник и перекрестил стоящего напротив него мужчину, ставшего старому монаху уже больше, чем императором. Александр I стал для него сыном. – Если книга заговорила, значит, беда близко и, возможно, только ты сможешь ее предотвратить, – сказал он и тихо добавил: – Ну или хоть немного уменьшить ее.

Уже первого сентября Александр I выехал из Санкт-Петербурга в Таганрог, где позже он оставит свою супругу и отправится в Крым один.

Глава 1. Герасим

«Лето – самое скучное время года», – думал Герасим, лениво бродя по улицам родного Томска. Если бы другие люди могли прочесть его мысли, то были бы очень удивлены и даже возмущены такой трактовкой вопроса. Потому что большинство людей на этой планете просто обожают летний сезон и связанные с ним прелести в виде каникул или отпусков. Но у них, видимо, есть друзья, с которыми можно проводить время весело и деятельно. У Гера же друзей не было. Многие бы подумали, что это невозможно, ну не может у двадцатиоднолетнего парня не быть друзей, но, как ни прискорбно, это была чистая правда. Герасим страдал от одиночества с самого детства. Возможно, ему просто не везло, но сам же Гера был уверен, что все дело в нем одном. Наверное, он просто скучный человек, периодически нудный и банальный.

Правда, последний год в университете ему казалось, что он их все же нашел, пусть не друзей в общем понимании этого слова, а хотя бы единомышленников. Людей, увлеченных идеей и идущих к общей цели. В сентябре преподаватель по кличке Пират собрал команду с разных факультетов для участия в интеллектуальных играх. Гера слышал про эти игры – они проводились раз в год, летом, между лучшими институтами и университетами города.

Когда объявили конкурс, Герасим очень захотел попасть в команду. Во-первых, это новые знакомства, а он не оставлял попыток все же найти друзей, во-вторых, игры проводились в июне, а это значит, что половина ненавистного лета будет занята. Может быть, он так сильно хотел, а может, и правда оказался самым умным на их потоке, потому как в команду он попал и даже весь год тренировался. Ребята подобрались разные, но цель победить объединяла, и потому некий эффект дружбы все же присутствовал. Все рухнуло, когда за месяц до соревнований организаторы

объявили, что игры пройдут на турбазе «Томские просторы». Это был провал.

Герасим недоумевал, зачем вообще проводить игру в такой глуши, на турбазе среди непроходимого леса. Какая была в том нужда, ведь ранее все соревновались в городе и никто от этого не страдал. В этот раз придумали выезд на природу, да еще и рядом с Черным озером монаха. Там начинался непроходимый столетний лес, который и сам по себе полнился сверхъестественным, а уж возле Черного озера монаха и подавно нечего было делать.

Гера верил преданиям и поверьям, особенно если они подкреплялись историческими фактами или передавались из уст в уста как народный фольклор. «Ведь что такое фольклор? – рассуждал Герасим. – Это история местности, но не записанная в книгу, а увековеченная тем, что пересказывали ее в увлекательной форме. Скорее всего, он был немного изменен со временем теми, кто его пересказывал, но делалось это только для того, чтобы история сохранялась и многие поколения волновала слушателей». Поэтому фольклору Гера верил на девяносто процентов, десять оставляя на некое преувеличение.

Да что там, Гера верил даже в инопланетян. Нет, не то чтобы он с ними встречался или они являлись ему во сне, он не был сумасшедшим. Просто однажды от избытка времени Герасим изучил данный вопрос, проштудировав большое количество литературы, и пришел к выводу, что земляне просто не могут быть одиноки во Вселенной.

Конечно, Гера понимал, как его рассуждения могут восприниматься в обществе, поэтому старался помалкивать, но не всегда получалось. Иногда, правда, хотелось поделиться соображениями, выводами, которые ему казались вполне логичными.

Не получилось и в этот раз, когда объявили, что студенческие игры будут проводиться на турбазе. Герасим отказался от участия. Просто уйти из команды было нельзя, слишком много сил все вложили в

подготовку. И тогда он постарался очень доходчиво и осторожно объяснить ребятам во главе с преподавом, почему он не поедет, но его, естественно, не восприняли всерьез. Ребята смеялись, Пират злился и закатывал глаза, а Герасиму было в тот момент так стыдно, словно бы он стоял голый перед аудиторией. После этого уже не в первый раз Гера пообещал себе, что больше никогда не будет озвучивать свои выводы для толпы.

«Прошел еще один день, и слава богу», – подумал Герасим, смотря на клонящееся к горизонту солнце, и решил возвращаться домой. В спальне над кроватью Гера даже повесил календарь, в котором зачеркивал дни лета. Каждая галочка на нем приближала его к началу семестра, тогда, по крайней мере, будет некогда скучать. Устроиться на работу тоже не получалось, подработка на лето для студентов курьером или официантом необщительному Гере не подходила, а другой не нашлось.

В квартире почему-то горел свет. Неужели утром Гера забыл его выключить? Опять мама будет ругаться, когда в конце месяца выставят огромный счет за электричество. Родители последние пять лет жили на даче. Это не было дачей в привычном понимании этого слова, на шести сотках стоял милый и уютный дом со всеми удобствами. Предоставив любимому сынушке полную свободу, родители спокойно работали удаленно, дыша сосновым лесом. Он предполагал, что сделали они это намеренно, решив, что если не мешать, то Герасим быстрее социализируется. В его одиночестве они винили себя и тотальный контроль над сыном в детстве.

Гера же с отъездом родителей стал еще более одиноким, и пустая квартира, как принято в этом случае для любого студента, не радовала, а огорчала.

Зайдя в квартиру, Гера всем нутром почувствовал, что в доме кто-то есть. Раз дверь была закрыта на ключ, значит, это могут быть только родители, внезапно приехавшие его навестить. Но почему они молчат? Ведь он хлопнул дверью. Почему они не приветствуют? Пугающая ситуация заставила сердце заколотиться быстрее. Гера

осторожно взял с полки в прихожей зонт – так себе оружие, но на безрыбье и рак рыба – и пошел в кухню. Там за столом сидел незнакомый парень чуть старше Герасима, широкоплечий, с копной пшеничных волос. Он пил из любимой Гериной кружки горячий чай, от которого шел пар, и нагло улыбался.

– Привет, – сказал он, продолжая лыбиться.

– Ты кто? – как можно строже спросил Герасим, прикидывая, сможет ли справиться с богатырем. Вообще-то Гера имел в арсенале разные силовые приемы, ведь он ходил в школе на боевую подготовку, а в начальной даже посещал секцию бокса, но тут возникал вопрос, куда ходил этот верзила. Если туда же, то шансов ноль.

– Я Вовка, – ответил просто парень, не переставая улыбаться, что уже немного пугало.

Видимо, поэтому Гера вместо нормального вопроса «Что ты делаешь в моей квартире?» выпалил:

– Ты чего так лыбишься?

– У нас так принято, – опять очень просто ответил парень и пожал плечами.

– «У нас» – это где? – продолжал задавать дурацкие вопросы Гера, упорно не переходя к более содержательным.

– У нас – это в России, – пояснил бугай Вовка и вновь аппетитно хлебнул чаю.

– Ты мне не загоняй, – ответил Гера, оглядывая кухню, не стащил ли чего незванный посетитель. – У нас в России, если так улыбаться незнакомому человеку, можно и в дурку загреметь. Что ты делаешь у меня дома и как сюда попал? – наконец спросил Гера.

– Вот, – Вовка положил на стол ключ, – ты мне его сам дал.

Гера, не подходя близко к столу, посмотрел на действительно похожий ключ и сказал:

– Значит, так, слушай меня внимательно: я тебе ничего не давал, да и ключ у меня один. Если ты сейчас нормальным русским языком мне не расскажешь, кто ты и что ты делаешь у меня дома, то я

вызываю полицию, – на этих словах Герасим поднял вверх телефон, как солдат гранату перед броском. – И прекрати так улыбаться! – психанул он.

– Ты не согласишься сразу, – сказал Вовка, все же перестав улыбаться, – но я тебе все объясню. Ты, главное, выслушай меня спокойно и постарайся поверить.

– Ты маньяк? – запоздало уточнил Гера.

– Нет, – покачал головой Вовка и, видимо, хотел вновь улыбнуться, но, увидев гневное лицо Геры, передумал. – Обещай поверить, – попросил незваный гость.

– Говори! – скомандовал Герасим, уже окончательно запутавшись.

– Я твой правнук из 2102 года. Пра, то есть ты, всю жизнь переживал, что так и не поймали убийц его одноклассников. Вчера нашли тело твоего одноклассника, в последующие две недели на турбазе, где сейчас твои друзья, пропадут еще пять человек, но их трупы так и не обнаружат. Вернее, не в вашем времени, а вот в нашем, через сто лет – да. И вот у нас определяют, кто убийца, но его уже не накажешь, он мертв, а ребят не вернешь. Вот пра, то есть ты, и отправил меня в двадцать первый век помочь тебе найти убийцу и наказать его, а также спасти хотя бы тех пятерых.

– Парень, ты что куришь? – спросил Гера испуганно. Теперь он был уверен, что это наркоман пробрался в его дом, и судорожно решал, что же делать – сначала звонить в полицию или попробовать сбежать из дома.

– У нас не курят, – заметил Вовка, грустно вздохнув, видимо, поняв, что Герасим ему не верит.

– У нас – это в России? – Гера первый раз за сегодняшний день улыбнулся.

– Конечно, это запрещено законом Российской Федерации, – сказал Вовка усмехаясь, словно бы Гера спросил какую-то глупость. – Пра предупреждал, что ты не согласишься, ведь ты упрямый. Поэтому я тебе сейчас расскажу то, что знаешь только ты.

– Попробуй, – от абсурда и нелепости ситуации, а также глупостей, что говорил странный гость, Гера успокоился и даже сел за стол напротив молодого человека, но телефон по-прежнему держал наготове.

– Правда, это такие интимные вещи, что мне неудобно, – смутился огромный Вовка.

– Я переживу, – сказал Гера, уверенный, что это блеф.

– В начальной школе ты наделал в штаны, ну так получилось. Сбежал с уроков и дома долго их отстирывал. Потом еще и от матери получил, что из школы ушел.

– Принято, что-то еще? – все еще усмехаясь, отозвался Герасим, но на самом деле в желудке похолодело, потому как он даже после мамкиных криков не признался, почему ушел, и был уверен, что в школе тоже никто не заметил и эта тайна умрет вместе с ним.

– Ты писал любовные записки однокласснице, – Вовка замялся. – Ну, в общем, отшила она тебя грубо. Прадед сказал говорить по-другому, но я думаю, что ты понял. Сейчас тебе нравится девушка, но ты никак не можешь даже подойти к ней. А еще по ночам, когда тебе грустно...

– Хватит! – закричал Гера и почувствовал, что покраснел.

– Я тоже так думаю, – вздохнул Вовка облегченно, будто у него камень с плеч упал. – Это я еще до инопланетян не дошел, – добавил он шепотом.

Минут пять в кухне стояла тишина. Герасим обдумывал, как все эти сведения могли попасть к этому парню, и не находил никаких оправданий. Молодой человек не выглядел наркоманом или сумасшедшим, но все равно надо было проверить.

– Покажи руки, – он встал и подошел к Вовке.

Тот без возражений протянул ему обе. Вены у пацана оказались не тронуты, но Гера знал, что могут быть и другие места. Уже без спросу он проверил другие возможные варианты. Вовка послушно поддавался, словно бы это была необходимая процедура. Потом Герасим посмотрел у парня зрачки, десны и напоследок заставил

дыхнуть. Видимых признаков, что парень наркоман или алкоголик, не было, и Гера опять спросил первое, что пришло в голову:

– Вы что, машину времени изобрели?

– Ну да, – спокойно ответил Вовка. – Правда, летать можно только в прошлое, будущее закрыто. У нас даже коммерческие рейсы есть, как в ваше время в космос. Платишь и летишь в выбранное время. Вот, к примеру, в ваше никто не любит путешествовать, непопулярное направление, потому и дешевое.

– Это-то понятно, – вздохнул Гера, – я бы сам не полетел в свое время. А что прадед, то есть я, сам не прилетел?

– Старенький ты уже, а там перегрузки, мы даже деда решили не отправлять, хотя ему всего семьдесят с копейками, отец же и вовсе не в курсе нашей авантюры, – пояснил Вовка и добавил, словно по секрету: – Не одобряет он это, ну, нарушение закона, он у меня главный полицейский города Томска.

– А мне сколько?

– А тебе сто.

– Неужели у вас так долго живут? – удивился Гера, потихоньку свыкаясь с дикой мыслью.

– Да, у нас в России медицина хорошо развита, – уверенно покивал Вовка, и Гере почему-то захотелось ему верить.

– Ты мне не рассказывай ничего про будущее, – вдруг всерьез попросил Герасим, – а то потом жить неинтересно будет.

Несмотря ни на что, чувство, будто его разыгрывают, по-прежнему не проходило.

– Договорились, – согласился Вовка. – Я и про наше дело особо рассказывать не могу, эффект бабочки, слышал, наверное? – уточнил он. – Ты учти, у меня только три дня. Потом мой рейс обратно.

– Как же ты помогать собрался? – удивился Гера. – Раз ты говорить ничего не можешь?

– Пра, то есть ты, такую штуку придумал: ты меня должен с собой взять, а я все на месте соображу и буду тебя незаметно направлять куда надо. Пра уверен, что должно прокатить, хотя он у нас самый

большой авантюрист в семье и частенько попадает впросак, – Вовка широко улыбнулся. – Мне, видать, его гены достались, вот я и решил, что попробовать все же стоит.

– Вообще-то на меня не похоже, – засомневался Гера. – А куда я тебя взять-то должен?

В этот момент в дверь позвонили. Звонок вышел коротким и каким-то неуверенным, словно гость сам не знал, надо ему сюда или нет.

– Вот куда тебя сейчас позовут, туда меня и бери. Скажи, не могу бросить, родственник из деревни приехал, – инструктировал Вовка, пока они шли к двери.

Гера был напуган, удивлен и просто раздавлен, не понимая, что происходит в его жизни.

– Что-то мне крипово, – вздохнул он, в нерешительности глядя на дверь.

– Давай, пра, я же здесь, я знаю, что за дверью нет ничего страшного. Открывай, – произнес Вовка улыбаясь, но Герасима не покидало ощущение фарса.

Глава 2. Полина

Поля стояла у двери и не решалась еще раз нажать на звонок. Она сама недавно окончила университет, и ей было сложно общаться со студентами моложе нее всего на три года. Полина всеми силами пыталась завоевать авторитет, ну или на худой конец дружбу студентов, но выходило не всегда и не со всеми. Тому, что это ей давалось с большим трудом, способствовала еще и ее внешность. В свои двадцать шесть лет, маленькая, худенькая, она выглядела совершенной девочкой.

Полине от предков досталась необычная внешность, в ее крови было намешано столько, что почти каждая национальность бывшего СССР могла принять ее за свою. Всего в девушке было много разных черт, но как-то не ярко выраженных: раскосые черные глаза, но при этом очень большие, довольно смуглая кожа, будто после отдыха на море, с каким-то желтым оттенком, черные волосы, но с красивым, почти красным отливом. Словом, она была настоящая русская. Кровь, перемешавшись в поколениях, не боролась за первенство, и в Поле победила дружба народов. Примерно лет в десять, замучившись отвечать на вопрос о национальности, Полина выпытала у мамы все о ее предках, каких, конечно, та могла вспомнить, и написала стихотворение, которым после собиралась отвечать любопытным:

Сегодня ночью не спалось совсем,
Ложиться поздно – вредная привычка.
И вдруг, как Мэри Поппинс, на окно
Присела моя пра-калмычка.

Сложив свой милый зонт из звездной пыли,

Она рассказывала мне о том,
Как весело и дружно они жили
И как прекрасен был их общий дом.

На тот рассказ, как светлячок на свет,
Надев военный головной убор,
Пришел мой польский легендарный дед,
В зубах сжимая крепкий «Беломор».

Дед вспоминал своих друзей,
С которыми он шел в атаку,
И День Победы, майский день,
Тот день, когда впервые плакал.

С ним пра-бурят смахнул слезу,
Целуя в щеку бабушку-гуранку.
Он вспоминал Гражданскую войну
И боевую крестницу – тачанку.

Херсонский цыган стал шутить,
Всем родственникам запрещая слезы,
И утверждал: «С улыбкой надо жить!
И обнимать плакучие березы».

Стесняясь, дед-башкир молчал,
Всем предлагая фирменный чак-чак.
А бабку-украинку обнимал
Мой белорусский прадед офицер-моряк.

– А кто же я? Вы разных все кровей!
Замолкли предки, мной поражены.
Лишь усмехнулся пра-еврей:
«Ты русская, такая же, как мы!»

Мама тогда очень смеялась и говорила, что чересчур развернутый у Полины получился ответ и не стоит в принципе реагировать на бестактные вопросы. Но стихотворение похвалила и даже показала школьному учителю по литературе в надежде на похвалу. Тот, правда, не оценил детский порыв, чем расстроил больше маму, чем дочку, но факт есть факт: мама гордилась любыми достижениями дочери.

Мама очень верила в нее, и Поля старалась ее не подвести. Добавляли груза ответственности мамины причитания, которые Полина слышала каждый день с того самого часа, когда ушел папа, то есть сколько себя помнила: «Всю свою судьбу я, Поляночка, на тебя положила, ты должна теперь прожить свою жизнь и за меня, и за себя, не повторив моих ошибок». Бывало и такое высказывание: «Ничего себе, все тебе, все тебе, жизни у меня и не было, положила я себя, только чтобы ты хорошо жила».

Если в детстве Полине было очень жаль маму после таких причитаний и она со слезами отвечала, что обязательно проживет жизнь лучше, то чем дальше, тем сложнее становилось отношение к маминым словам. Вот вроде и ничего такого мама не говорит, вроде от любви большой, а почему-то делается тошно. Словно бы с детства на Полю повесили кредит, который она должна выплачивать всю жизнь. И брала кредит вроде не она, а отказаться от него невозможно. К тому же чем взрослее становилась Полина, тем больше требований у мамы появлялось к ее «лучшей» жизни. Обязательно высшее образование, никакой школы, работать надо

только в университете, там престижнее, а уж замуж один раз и на всю жизнь. Требования к будущему спутнику жизни были настолько запредельными, что Полина была уверена, что таких людей не существует в природе. Ее детская мечта стать следователем была растоптана матерью и уничтожена как не выдерживающая никакой критики.

Все студенческие вечеринки оказались под запретом как потеря драгоценного времени, а все мальчики «хотели одного». Все подружки шалавы, которые «в подоле принесут, а тебя обязательно предадут». В итоге замужние одноклассницы уже катают коляски, Полина же днем пытается донести высшую математику до студентов, а вечером ищет вкус настоящей жизни в любимых детективах. Иногда она так зачитывалась, что жизнь вокруг меркла и хотелось как можно быстрее сбежать обратно в книгу. Истории были второй реальностью, более интересной, чем ее собственная.

Периодически Полине хотелось взбунтоваться, да было не с кем – малочисленные подруги уже давно были замужем, а одной не набунтуешься. Наверное, стоило бы поискать новых, незамужних подруг со схожими интересами, но сделать это было абсолютно негде. В университете, где она сейчас работала, все были старше Поли, а больше она никуда и не ходила.

Вот и сводилась ее жизнь в двадцать шесть лет к работе и дому, а простая, но такая настойчивая мысль, что где-то она пропустила самое важное, в последнее время не отпускала ее.

Когда учебный год подошел к концу, Полина выдохнула. Пусть на время, но попытка «докажи, что ты препод и заслуживаешь уважения» была закончена, но, видимо, у Господа на Полю были другие планы.

Скорее всего, по причине ее молодости Полину Мохнорукую отправили со студентами на «Интеллектуальные игры», которые проводились каждый год между университетами и институтами области. Сама же Полина была уверена, что причина совсем не в том, что она самая молодой преподаватель на кафедре, – истинная причина заключалась в том, что никто, даже под угрозой смертной

казни, не захотел бы ехать на соревнования с тем, кого все за глаза называли Пиратом. Такая кличка приклеилась к вредному преподавателю не только из-за его неухоженной бороды и даже не от выразительного имени Сильвестр – дело было в том, что он постоянно грубил людям, попадающим на его орбиту.

Сначала на турбазе, где проводились игры, все шло хорошо, даже бородатый коллега не досаждал Поле, и она просто получала удовольствие от запаха леса, ночной тишины и пения птиц рано утром. Полина формально отсиживалась на играх, где ей и делать-то особо ничего не надо было, ведь с ребятами работал зануда, и представляла, что она в детском лагере, на каникулах с такими же, как она, девочками и мальчиками. Иногда даже мелькала дурацкая мысль, что ее сюда зря отправили, она ведь совершенно бесполезная единица, но она быстро исчезала.

Вечерами девушка читала новый детектив любимой писательницы, который удалось купить перед самой поездкой, и представляла себя в роли главной героини, на долю которой выпали жуткие, но интересные испытания. Поля считала, если ты читаешь книгу и в ней нет ни одного героя, в котором бы ты увидел себя, хоть немного, пусть всего лишь какие-то черты характера, то это не книга. Потому что книга – это в первую очередь увлекательное путешествие вглубь себя, когда в представленных обстоятельствах, найдя на страницах родственную душу, ты понимаешь, на что ты все-таки способен. Пусть ты не признаешься в этом никому и никогда, но так ты проверяешь, смог бы ты убить, поддался бы на шантаж, сломался бы или выстоял, наконец, распутал бы дело или испугался и бросил бы все на полпути.

На турбазе каждой команде выделили по отдельному деревянному домику. Сооружения были старые, хоть и недавно отремонтированные, построенные, видимо, еще во времена Советского Союза.

В другой же части турбазы, за строительным забором, которую директор называл новой, стояли современные коттеджи с

небольшими бассейнами и зоной барбекю. Собственник загородной недвижимости бесплатно предоставлял места размещения, полный пансион и даже отдельное здание для проведения соревнований, поэтому выбирать не приходилось, брали что дают. Комнаты в деревянных домиках, в которые их поселили, оказались просторные и пахли свежей краской. Рассчитаны они были на четверых человек, с большими деревянными окнами и скрипучими половицами, покрытыми толстым слоем коричневой краски.

Поле и двум девочкам в группе, Настасье и Еве, выпало жить втроем в комнате, и это было тоже не в тягость. Студентки сутками пропадали на подготовке, где они выстраивали стратегию под предводительством Пирата, а после шептались у мальчиков в комнате и совсем не мешали Полине отдыхать за чтением.

Все изменилось вчера утром, когда одного из студентов нашли утонувшим. Следователи, относительно быстро прибыли на место происшествия, предположили, что он ушел рано утром купаться на Черное озеро монаха, как называют его в народе, и утонул.

Купаться? В начале июня? В Томске?

Но все эти вопросы Поля оставила полиции и углубилась в свой собственный страх.

За двадцать шесть лет смерть первый раз подошла к Полине так близко, и совсем новое ощущение конечности бытия пробрало девушку до костей, как зимний мороз. Она знала определение конечности – это наличие, обнаруживаемость границ объекта или процесса. Вот сегодня в первый раз Полина обнаружила границы жизни, и это было страшно.

До этого судьба щадила Полю и потерь не случалось. Нет, конечно, они были, но происходили где-то далеко, на окраинах ее жизни, не задевая и не рняя в самое сердце. В этот же раз удар пришелся под дых. Еще вчера веселый парень, любящий пошутить и даривший ей по утрам ромашки, перестал существовать, сразу, полностью, окончательно, навсегда. Его нет и больше не будет, он исчез из этого мира, и изменить ситуацию невозможно. Эти мысли крутились в ее

голове уже сутки и никак не могли найти свою полочку в мозгу, чтобы залечь там и не маячить постоянно. Полина догадывалась почему: потому что у нее не было этой полочки, не подготовлена она была хозяйкой, и вот теперь это придется сделать, причем в ускоренном режиме.

В отличие от Полины, организаторы оказались не столь впечатлительны и решили не останавливать соревнования, и этого тоже Поля не могла понять. Нет, конечно, она не была в ответе за этих взрослых и совершеннолетних людей. В первый же день для всех участников провели лекции по технике безопасности. Озеро монаха находилось не на территории турбазы, а потому там не обустроивали пляж и стояла яркая табличка «Купаться запрещено». Все подписали бумагу о том, что предупреждены и осведомлены, в том числе и руководители групп. Студент же нарушил правила безопасности и сам за это поплатился, но Поля все равно не понимала, как можно после всего этого продолжать соревнования.

– Выйдите из ступора, – выговаривал ей Сильвестр Васильевич. – Хотя о чем это я, это ваше нормальное состояние. Вы сегодня же поедете в Томск и привезете мне еще одного игрока, иначе нас снимут с соревнований, а мы, на минуточку, уже в финале.

– Но кого я найду? – вяло сопротивлялась Полина. – Лето, все, наверное, уже разъехались.

– Меня это не волнует, – продолжал трясти своей противной бородой отвратительный препод. – Можете вы хоть сейчас быть полезной или ваш максимум – чтение женских детективчиков?

Полина была уверена, что он не видел ее за чтением, и очень удивилась этой фразе. Кажется, она даже покраснела, хотя ее смуглая кожа редко окрашивалась румянцем.

И вот сейчас она стоит у дверей последнего шанса не получить вечером от нервного коллеги очередной выговор. Студент со смешным именем Герасим и фамилией Петровский был последним, кто мог продуктивно участвовать в соревнованиях, главное, чтобы он не отказал. Гера был заявлен в основном составе, но потом

случился, как Полине казалось, нелепый случай и ему нашли замену. Поля пришла к нему в последнюю очередь, потому что игроком Герасим был сильным, но человеком странным, поэтому тут требовался определенный подход.

Полина так долго настраивалась говорить со студентом настойчиво и жестко, что, когда дверь все же открылась, она растерялась и молча стояла, переводя взгляд с одного молодого человека на другого, словно пытаясь вспомнить, кто из них ее студент.

– Здравствуйте, Полина Васильевна, – поприветствовал ее Герасим, чем привел Полину в себя.

– Здравствуйте, Гера, я к вам по важному делу, – начала Поля, решив сразу перейти к решению задачи.

– А вы проходите, – добродушно пригласил второй молодой человек и подозрительно счастливо улыбнулся, так, словно бы он знал Полину очень давно и хранил какую-то ее тайну.

Поля нерешительно перешагнула порог, уговаривая себя, что она преподаватель и должна вести себя уверенно и решительно, чтобы студент ее послушался, но улыбающийся сбивал весь ее настрой.

– Так вот, – решила продолжить она, но блондинистый парень, который был примерно ее возраста, прервал Полину вновь:

– Давайте пройдем на кухню, мы там как раз с Герой чай пьем. Вкусный жуть, талант у меня чай заваривать, от деда достался на генетическом уровне, – похвастался он. – Из любого пакетика шедевр выходит, даже сам не знаю как, магия не иначе, – на этих словах он подтолкнул молчавшего Герасима в спину и, по-прежнему улыбаясь, указал Полине направление: – Нам туда.

Парень очень раздражал и даже пугал какой-то своей настойчивостью, и Полина, переживавшая до этого о выполнении своего поручения, теперь и вовсе растерялась. На маленькой кухне она опустилась на ближайший стул и, схватив стоящую на столе чашку, хлебнула невкусный холодный напиток.

– Вообще-то я планировал вам выделить чашку, – продолжал улыбаться ее раздражитель. – У нас дефицита в этом нет, но пить из одной тоже можно, это как выкурить трубку мира у индейцев, так сказать, объединяет, – и, наклонившись к Поле, почти интимно добавил: – Я ничем не болею, честно.

– Я по делу! – сказала Полина и вскочила со стула как ужаленная. – Герасим, тебе придется выручать команду. Вчера произошел трагический случай и один из участников утонул, ну или... В общем, полиция разбирается. Мы не можем продолжать игры в неполном составе, а на срочную замену можете подойти только вы. Вы тренировались с командой и имеете нужный опыт, – Поля намеренно утаила, что приехала к нему в последнюю очередь, потому как понимала, что уговорить Герасима будет труднее всего. – Ехать надо прямо сейчас, я на машине. Собирайтесь, я жду вас внизу.

Она выпалила все сразу, да еще и в утвердительной форме, для того, чтобы студент не успел отказаться.

– Я не поеду, – сказал Герасим тихо, словно не замечая повисшей в кухне неловкости. – Вы же знаете почему.

– Вы должны поехать, – настояла Полина. – Ваш долг помочь институту, друзьям, мне, в конце концов. Мы уже в финале! – она уговаривала студента поехать, но сама не верила в свои слова, по-прежнему считая, что продолжать игры неправильно.

– Согласен с Полиной... Забыл, как вас по отчеству? – сказал улыбающийся.

– Васильевна, – быстро ответила Поля, но получилось глупо, как в знаменитом фильме Гайдая: «Васильевна мы».

– Вот, Васильевна говорит правильные вещи, – нахал подмигнул Поле, точно старой знакомой. – Ты должен поехать, – и, наклонившись к Гере, тихо спросил: – Кстати, почему мы не можем?

– Не могу и все, – по-детски насупился Герасим.

– Послушайте, все, что вы насочиняли про озеро, – это вымысел. Я прожила там почти неделю, обычный лес, – решила еще раз

попытать счастье Поля. – Команда в финале, и если я вас, Герасим, не привезу, то нам засчитают технический проигрыш, – сказала Полина, как ей показалось, жалобно и добавила последний аргумент: – Ну пожалуйста!

– Обычный лес, обычное озеро, а команда у вас уже не полная, – парировал Герасим беззлобно. – Как-то не логично получается у вас, Полина Васильевна. Я не поеду, даже не уговаривайте.

– Пардон, мадам, – ответил вместо ее студента улыбающийся, – нам надо на минуту посоветоваться, – и почти насильно вывел Герасима из комнаты.

Как ни прислушивалась Полина, но услышать, о чем шепчутся парни, было невозможно, а открыто подслушивать, приложив ухо к двери, она не осмелилась. Поэтому оставалось только ждать, переминаясь с ноги на ногу. От переживаний в горле все пересохло, и она с вожделением смотрела на кружку, с которой недавно так оконфузилась.

«Но ведь я из нее уже пила, – подумала Поля, – поэтому, если я глотну еще разок, ничего страшного, да и улыбчивого как раз нет».

Только она взяла в руки кружку, как дверь распахнулась и в проеме появились молодые люди. По лицу Герасима Полина поняла, что решение принято и оно ему не нравится.

– Вижу, вам, Васильевна, – простите, на этот раз запомнил ваше имя – понравился мой чай. Пейте, не стесняйтесь, я вам рецепт напишу, – сказал улыбчивый, явно издеваясь. – Так вот, о деле. Герасим согласен, но он не оставит меня одного в городе. Если вы возьмете меня с собой, то мы можем отправляться прямо сейчас.

Поля взглянула на своего студента, но тот только кивнул головой.

– А вы, собственно, кто? – решила уточнить Полина.

– Простите, – нахал улыбнулся еще шире, – забыл представиться. Меня зовут Вовка, – на этих словах он толкнул Герасима в бок.

– Это мой родственник, – сказал тот нехотя. – Приехал издалека.

– Очень издалека, – уточнил Вовка. – И вот его и мои родители попросили Герасима следить за мной, поэтому мы сейчас как

ниточка с иголочкой, как Большая и Малая Медведица, да как Герасим и Муму, если хотите.

– Герасим утопил Муму, – зачем-то брякнула Полина, обдумывая странную ситуацию.

– Мы с моим родственником еще не на том уровне отношений, но вы знаете, где меня стоит искать, если я пропаду, – видимо, пошутил Вовка, но никто, кроме него, даже не улыбнулся.

– Да что за вами следить! – возмутилась Поля. – Вы старше Герасима лет на пять.

– Тут дело не в возрасте. Да, мне двадцать пять, а Гере двадцать один, но в социальном плане я здесь чужой и сразу же пропаду в пучине вашего мира, – пафосно заявил Вовка и, перестав улыбаться, вздохнул, словно в подтверждение своих слов. – Но, в принципе, мы можем и не ехать, – добавил он, явно торгуясь с Полиной. – Да, Герасим? – нахал попросил поддержки у студента, но тот лишь неуверенно качнул головой. – У нас полно дел, он мне обещал еще музей деревянного зодчества показать, – с улыбкой продолжил Вовка. – Плюс ко всему Гере озеро-то не очень нравится, с историей оно нехорошей, да и лес так себе...

– Хорошо! – прервала его Полина. – Герасим, я жду вас в машине с вещами, – и язвительно добавила: – Можете взять свою Муму, но помните: если только вы что-нибудь выкинете, я лично выполню сценарий Тургенева и даже его немного скорректирую.

– Это как? – спросил Вовка, еще шире улыбнувшись.

– Сама утоплю Муму, не поручая это важное мероприятие ранимому Герасиму, – ответила ему Полина и ухмыльнулась в ответ, но, видимо, ее улыбка больше походила на оскал, потому что молодой человек тут же погрузился.

Глава 3. Сильвестр

Сильвестр хоть и не показывал этого окружающим, был очень озабочен и, возможно, даже напуган. Нет, не за себя, в своей жизни он, казалось, уже пережил свой самый сильный страх, и уже ничто не сможет испугать его больше.

Сейчас Сильвестр Васильевич всерьез боялся за своих ребят. Не верилось ему, что Влад ушел купаться на Черное озеро монаха. Этот мальчишка не мог так поступить по многим причинам. Даже летом в Томске купаются только отважные люди, а в первый летний месяц таких и вовсе не найти.

Но главной причиной было то, что молодой человек не умел плавать, и Сильвестр это узнал лично от него. В первый день организаторы собрали возле площадки для пляжного волейбола каркасный бассейн, создав небольшой уголок летнего отдыха для соревнующихся студентов, видимо, чтобы участники могли познакомиться и подружиться. Влад же идти отказался, аргументировав это тем, что не умеет плавать. Сам факт, что человек, который не умеет плавать, вдруг решил пойти на Черное озеро в километре от турбазы и, не раздеваясь, искупаться в нем на заре, не выдерживал никакой критики.

Обо всем этом Сильвестр попытался поведать полицейским, но его никто не стал слушать. Они рассуждали так, что, даже если не хотел купаться, пошел на прогулку, берег у озера каменистый, потому парень поскользнулся, ударился головой и упал в воду. Именно такая цепочка событий их полностью устраивала.

Была и еще одна странность: у парня не нашли телефон. Полицейские это объяснили просто – он выпал из кармана и лежит где-то на дне озера.

Возможно, конечно и так, но все же это тоже не давало Сильвестру Васильевичу покоя. Он давно заметил, что это поколение вообще не расставалось со своими гаджетами и дорожило ими, словно бы в них

заклучалась их жизнь. Как у Кошеля Бессмертного в игле, которую тот бережно хранил в яйце и зайце с уткой, так и тут. Телефон первым делом выкладывался на любой стол, за который садился человек. Инстинктивно постоянно проверялся, на месте ли он, постукиванием по карману или поглаживанием экрана лежащего рядом гаджета. Если вдруг с первого раза телефон не находился там, где должен был лежать, то глаза мгновенно начинали излучать ужас, а действия становились резкими, почти истеричными. Как признался ему один студент, если он хоть на несколько минут теряет свой телефон, не может найти его в сумке или там, где оставил, то на него сразу находит паническая атака и кажется, что мир проваливается во тьму. Влад, утонувший вчера студент, был даже более повернутым на своем смартфоне, чем остальные.

Более того, в первый день их пребывания в лагере произошло еще одно странное событие. Сильвестру, как всегда, приснился страшный сон. Это был обычный, уже родной сон, знакомый и обыденный, но от этого он не становился менее страшным. Как люди знают собственную квартиру, в которой живут годами и могут пройти по ней с закрытыми глазами, так и Сильвестр знал все уголки этого ужаса наизусть. Он мог посекундно рассказать все, что там происходит, и даже описать свои ощущения, которые не менялись, оставаясь константой этого сна. Поэтому, проснувшись в очередной раз в холодном поту, Сильвестр по многолетней привычке сел на кровать и постарался привести сердцебиение в спокойный ритм, глубоко вдыхая и выдыхая. Надо сказать, воздух здесь, среди столетних сосен, был чудесным. Он наполнял легкие и быстро выгонял из души липкий страх. Ему повезло – он жил в комнате один, хоть в ней и было четыре кровати, как везде. Но команда состояла из четырех мальчишек и двух девчонок, поэтому после распределения ему выпало практически царское проживание. Это было очень важно, чтобы никто не увидел его. Хоть он и спал всегда в пижаме с брюками и длинным рукавом, но все равно дискомфорт от того, что задранная штанина или футболка могли его предать, был

постоянным. Поэтому одиночное проживание для Сильвестра – настоящий подарок.

Когда после бегства из ужасного сна сердце немного успокоилось в тишине деревянного дома, вдруг стали слышны голоса. Надев поверх пижамы спортивный костюм, для полной уверенности, что тело полностью закрыто, Сильвестр решил проверить, кому еще не спится, и всыпать полуночникам по самое не хочу. Но все слова закончились, когда в комнате мальчиков он увидел странную картину. Студенты в полном составе, грязные с ног до головы, будто они извалялись где-то в огромной луже, ругались шепотом друг с другом. При этом девочки плакали, а мальчики нервно махали руками. Подслушивать Сильвестр считал ниже своего достоинства, поэтому, не останавливаясь, зашел в комнату и грозно сказал:

– Что за совет в Филях, что с вами произошло?

Молодые люди молчали, только с опаской поглядывали друг на друга.

– Разве мы должны перед вами отчитываться за свое свободное время? – сказал тогда Влад. – Нам всем по двадцать, двадцать один, мы совершеннолетние свободные люди. Не надо путать нас со школьниками. Вы, конечно, преподаватель, но не воспитатель.

Остальные же молчали, собравшись вокруг своего вожака, как волчата, демонстративно сжав губы, как бы демонстрируя презрение и решимость бороться.

Сильвестр понял, что он сейчас ничего от них не добьется. Решив, что утром поговорит с каждым по отдельности, рявкнул:

– Быстро умываться и спать. Завтра важная игра, мы не можем проиграть.

Тогда молодые люди словно бы выдохнули и быстро разбежались в разные стороны. На следующий день с ним тоже никто разговаривать не стал. Даже девчонки молчали, как партизанки, хотя было видно – им есть что сказать. И вот эта их общая таинственность и испуганные глаза наводили на нехорошие мысли. Сейчас Сильвестр ругал себя за то, что отложил решение этой

проблемы, уговорил сам себя, что ничего страшного не случилось и все хорошо. Что они и вправду взрослые и сами во всем разберутся, а он действительно им не воспитатель, а всего лишь преподаватель.

Организаторы соревнований решили не останавливать игры из-за несчастного случая, тем более осталось провести только финал, и Сильвестр как руководитель их группы на это согласился. Но мысль, правильно ли он поступил и не поставил ли своим решением под удар других участников, постоянно зудела, не давая сосредоточиться на соревнованиях.

Вот и сегодня подготовка к предстоящему финалу шла плохо. Ребята были рассеянными, а девочки заплаканными. Они постоянно переглядывались, словно решая, стоит ли хранить какую-то страшную тайну или ее можно скинуть со своих плеч, как тяжелую ношу.

Тайны, особенно страшные тайны, тянут вниз, пригибая человека к земле, точно огромные булыжники, повешенные на шею. Эти же ребята по причине молодости и неопытности еще больше тяготились этой ношей, но продолжали молчать. Своими переглядываниями они как бы спрашивали друг друга, кто первый признается. Глупый страх молодости – быть хуже других, быть слабее, быть предателем удерживал их от этого шага. Именно так совершаются самые большие ошибки молодости, за которые потом стыдно всю жизнь, – они растут на плодородной почве. Но ладно бы просто стыдно, иногда такие ошибки стоят самой жизни.

– Может, кто-то хочет что-то мне рассказать? – спросил грозно Сильвестр, но получил в ответ гробовое молчание, будто еще больше убедил молодых людей в правильности их сговора. Не умел он находить контакт с молодежью. Хотя о чем это он, Сильвестр Васильевич Дудка тридцати лет от роду никогда и ни с кем не мог найти общий язык. По крайней мере, последние пятнадцать лет точно.

Вот данная ему в помощники вертихвостка, глупая и никчемная, в первый день уже легко общалась с группой студентов, направо и

налево раздавая шуточки и глупые улыбки. Сильвестр же мог только хорошо учить. История, обществознание и философия – это были три его конька, оседлав которые он был лучше всех.

Молодая преподавательница числилась математиком-физиком, и, в принципе, их тандем должен был покрывать практически весь диапазон вопросов летних студенческих интеллектуальных игр. Они были созданы по образу телеигры брейн-ринг и включали в себя вопросы из разных областей, определяя общий кругозор студентов. Именно поэтому в игру легко вступали как гуманитарные вузы, так и технические, и надо сказать, каждый год побеждали разные, потому что возможность была у всех. Только их университет не выигрывал в ней уже давно, и Сильвестр решил исправить эту оплошность. Он еще в сентябре собрал ребят с разных факультетов со способностями в совершенно разных предметах и начал тренировать их. Сначала он брал вопросы, которые были на предыдущих играх, потом начал выдумывать свои, стараясь сделать их посложнее. Консультировался с преподавателями других факультетов и был практически уверен в победе.

Проблемы начались за месяц до начала соревнований, когда определилось место проведения игр. Надо сказать, что до этого все игры проводились в черте города. В этом же году организаторы, видимо, решили скреативить и нашли спонсора, который совершенно бесплатно предоставил площадку для игр. И вот после определения места добротный член команды Герасим Петровский наотрез отказался ехать на турбазу. Сильвестр терпеть не мог капризных мужчин, считая, что эта функция должна быть доступна только женщинам, поэтому легко расстался с нежным созданием. Тогда в их компании и появился Влад. Претендентов на место было двое – он и еще скромная, но очень сообразительная студентка Верочка. Времени для вливания в коллектив оставалось мало, и Сильвестр устроил им проверку. Команда сначала сыграла игру в составе с Владом, а потом с Верочкой и провела тайное голосование. Ему как руководителю казался правильным такой

формат отбора, потому как уже сложившийся коллектив из пяти человек должен выбирать себе напарников самостоятельно.

Большинством голосов победил Влад, но, честно говоря, Сильвестр не удивился этому, потому как Верочка была уж очень нерешительной, хотя, в отличие от своего конкурента, и вытянула все вопросы, заданные в ее игре.

Между тем Влад не подвел и оправдал доверие команды, очень быстро влившись в коллектив и перетянув лидерство на себя. В игру он входил уже капитаном команды. Сейчас пришла дурацкая мысль: а если бы он тогда уговорил Герасима остаться или взял Верочку, может быть, Влад и не утонул бы. Сильвестра опять передернуло от страшных воспоминаний.

Сегодня тренироваться закончили раньше, потому что ни у кого не было настроения. Вечер уже хозяйничал меж столетних сосен, а яркое летнее солнце, покраснев за неудачный день, медленно опускалось за горизонт. Сильвестру вдруг пришло в голову провести собственное расследование, ну хотя бы для того, чтобы убедиться, что Влад утонул, а не стал чьей-то жертвой.

Молодого человека ранним утром нашел старик, живущий неподалеку в заброшенной деревне. Таких поселений в стране становится все больше, где на пять развалившихся домов один житель. Обычно это столетний дед или такая же глубокая старуха. Молодежь перебирается в города или поселки, туда, где есть прелести цивилизации: магазины, поликлиники, школы. А эти деревни живут ровно до последней минуты пребывания на этой брэнной земле своего единственного жильца и умирают вместе с ним.

Сильвестр решил сходить и поговорить со стариком. Зачем, он не мог объяснить даже себе, но ничего не делать тоже не мог. Хотя деревня и находилась в двухстах метрах от турбазы, но, по мере приближения к ней, пейзаж менялся на глазах. Ухоженные огромные ели сменил лес, заполненный валежником, – непроходимый и угрожающий. Солнце дополняло жуткую атмосферу, оно уже

садилось за макушки деревьев, делая тени длиннее. Деревня, видимо, догадывалась о своем скором исчезновении и уже увядала. Некогда проселочные дороги превратились в тропинки из-за того, что по ним давно никто не ездил. Деревья и кустарники хозяйничали повсюду, даже в заброшенных домах, безжалостно проламывая им крыши и выбивая окна.

Сильвестр нашел более-менее целый дом и осторожно открыл калитку. Он никогда и никому не признавался, что до ужаса боялся собак. Нет, не так. Собаки были самым страшным кошмаром Сильвестра Дудки. Он боялся даже болонок на поводке, которые с тьяканьем бросались на него, выбегая из лифта. Это приводило мужчину в состояние, близкое к панике, и хотелось закричать этим улыбающимся хозяевам лающих вехоток, мол, проявите уважение, это ваши собаки, и есть люди, которые боятся, некоторые просто не любят, третьи имеют сильнейшую аллергию на шерсть, но молчал, боясь показаться жалким.

Эта фобия у него взялась из детства, но она не была чем-то простым и логичным. Из-за страшных обстоятельств она мутировала, образовав смертельный клубок, который не каждый смог бы вынести. Да и Сильвестр, если честно, не выносил, иногда сдаваясь под гнетом этого груза. На этих мыслях он, как всегда, нервно потрогал свою бороду, пытаясь успокоиться. Эта привычка была оттуда же, из страшного прошлого, когда очень сильно болели и тело, и душа.

Дом, который он определил как жилой, не сильно отличался от остальных, разве только не так сильно покосившимся забором и целостностью крыши и окон. Сад перед домом почти превратился в дикий. На скрип калитки никто не вышел, а самое главное, никто не выбежал, и Сильвестр уже увереннее подошел к крыльцу.

– Есть кто дома? – прокричал он осторожно, все еще боясь появления собаки. Ну не может в деревне старик жить один, без охраны. Хотя бы даже оттого, что скучно, а собака в сельской местности – это и товарищ, и слушатель, и питомец, ухаживая за

которым человек чувствует себя нужным. Он знал это хорошо, знал и никак не мог забыть.

Не дождавшись ответа, Сильвестр решил крикнуть громче, но только раскрыл рот, как на крыльцо медленно, переваливаясь с ноги на ногу, вышел хозяин.

– Чего орешь? – неприветливо спросил он и насупил брови. Это был он, старик, что вчера утром нашел Влада. Сильвестр видел, как его на берегу опрашивал полицейский. Тогда он тоже был хмур и немногословен, повторяя одно:

– Рыбалить пошел, окуня я копчу да туристам на турбазу продаю.

Только сейчас, в спокойной обстановке пришел закономерный вопрос: каким туристам он продает улов? Турбаза еще не работает, а студенты только неделю как заехали, да и не купят они у него рыбу. Лучше на чипсы в буфете потратятся.

Сильвестр тогда хоть и пребывал в шоке и боролся со своими демонами, которые быстренько нагрянули на его ужас, как мухи на мед, но заметил, что старик не выглядел испуганным или расстроенным, он был задумчив, словно бы не понимал, что происходит, или знал больше, чем говорил. Возможно, именно то ощущение у озера и сподвигло преподавателя на разговор с ним.

– Здравствуйте, – поздоровался Сильвестр как можно вежливее. Он знал, что его внешность и манера общения не располагают к нему людей, и боялся оттолкнуть неприветливого старика.

– Дальше говори, – сказал он. – Нет у меня времени лясы с тобой точить. Устал я, только из города приехал.

– Так на чем вы приехали? – оглядел двор Сильвестр, пытаясь найти транспортное средство. – Автобусы же сюда не ходят, да и попутку найти практически невозможно. Неужели от трассы пешком шли?

Он не знал, зачем все это спрашивает. Какая разница, на чем приехал этот старик из города? Просто ему показалось, что начинать с сути неправильно и светская беседа просто необходима, а так как вести их он не умел, то и получилось коряво.

– Так вот, на «карпике» и приехал, – показал в сторону дед и усмехнулся.

Сильвестр проследил взглядом и увидел в кустах мопед. Старый маленький мопед, каких он не видел уж лет сто. Последний раз это произведение советского автопрома попадалось на глаза, когда Сильвестру было лет восемь, в деревне у бабушкиного соседа, мужика пьющего и веселого. Но даже тогда в воспоминаниях маленького Сильвестра это был очень старый транспорт. Любопытство пересилило воспитание, он подошел к нему и потрогал, будто сомневался, что тот настоящий. На облезшем от зеленой краски бензобаке с трудом читалось название «Карпаты».

– И он ездит? – никак не мог поверить Сильвестр.

– А куда он денется, – вздохнул старик. – Правда, медленно, сволочь такая. Я вчера как выехал в обед, так только к ночи был в городе. Дела сделал и обратно. Но ночью меня сморило, и потому в лесу заночевал, а поутру снова на «карпик» и домой. Но тяжело мне такой путь делать, раньше шибче оборачивался, а сейчас почти сутки уходят.

На крыльцо из дома вышла огромная белая собака и зарычала на Сильвестра. Это случилось так неожиданно, что он не успел взять себя в руки, попятился назад и повалился вместе с «карпиком» на землю.

– Свои, Татарин! – скомандовал дед, и собака совершенно спокойно, словно бы и не рычала только что, оголяя свои огромные клыки, устроилась у ног старика. – Ты не бойсь, – обратился он к Сильвестру, – он своих не трогает. Вот я сейчас сказал, что свои – и все, теперь он, где бы тебя ни встретил, признает.

– А почему Татарин? – спросил Сильвестр, вставая и отряхиваясь после своего позорного падения.

– Порода у него больно мудреная. Умные, добрые, а главное, хозяина защищают до последней капли крови. Мне его маленьким щенком девица одна привезла из Татарстана, за помощь мою. Говорит, такого щенка днем с огнем не найдешь, ценятся очень.

Думаю, она много за него отдала, понимала, что деньгами я не возьму, а от него отказаться не смог. Вот только породу забыл, да и не надо мне оно, друг он и есть друг, а какого происхождения, не важно. То как у людей, так и у собак.

– А что ж ваш сторож на меня еще у калитки не накинулся? – спросил Сильвестр, полностью придя в себя, но по-прежнему осторожно поглядывая в сторону псины, которой он, к слову, стал полностью безразличен.

– Так на охоту он ходил, только вернулся, бегают в лес зайцев ловить, развлекается, – дед с нежностью посмотрел на пса. – Уже не знаю, что со шкурами-то и делать, может шубу к зиме справиться.

– Так он из дому вышел, какой лес? – возмутился Сильвестр, точно пытаюсь поймать старика на вранье. Слишком у него все сказочно получалось – и мопед столетний работает, да так, что до города и обратно и даже не рассыпается по дороге, и собака сама зайцев в лесу загоняет.

– А ты вообще кто такой? – опомнился старик. – Пришел тут, вопросы задает.

– Я преподаватель и руководитель группы студентов, которые сейчас участвуют в интеллектуальных студенческих играх. Они проходят на турбазе по соседству. Вы вчера рано утром нашли моего студента.

Старик перестал возмущаться, вздохнул и сел на лавочку.

– Дверь у меня на заднем дворе, там Татарин и зашел. Через лесную калитку бродит, сподручнее ему, вышел – и сразу в лесу, – сказал он словно бы невпопад, но Сильвестр понял, что ему надо подумать.

– Вы поймите, я точно знаю, что Влад не мог утонуть. Он не умел плавать и никогда бы не пошел на Черное озеро, да еще и так рано. Конечно, я не забираю хлеб у полиции и не собираюсь проводить полноценное расследование, но мне необходимо понять, что произошло тем утром. Конечно, молодость, могла где-то кровь взыграть, но они все у меня хорошие ребята.

– Да уж, хорошие... – вздохнул дед. – Твои хорошие такую кашу заварили, что уж и не знаю теперь, как расхлебывать. Полиции я ничего рассказывать не стал, подумал, своими силами разберемся. Но что-то и мне уж боязно, что пока эти свои силы приедут, может произойти неизбежное.

Сильвестр молчал, стараясь не спугнуть искренность старика, одновременно с этим у него по спине бежал уже готовый накрыть его страх. Значит, все-таки он не ошибся, все-таки за этим стоит что-то еще.

– Давай так, – сказал старик, словно решившись на что-то. – Я сейчас заварю чай смородиновый, у меня такое чудесное варенье из шишек есть, пальчики оближешь, мы сядем с тобой на поляне и спокойно все обдумаем. Ты же мне обещаешь полиции пока то, что я тебе расскажу, не докладывать, а мне помочь разобраться. Возможно, и решим все миром, раз они у тебя хорошие. Есть у меня одно предположение.

– На поляне? – переспросил Сильвестр и стал оглядываться.

– Вон там, под грушей у меня стоит стол и лавочки, я это место поляной называю. Там и говорить будет спокойнее, и чай пьется замечательно.

Когда старик скрылся в доме, Сильвестр уселся на лавочку на импровизированной поляне и стал ждать.

«Хуже всего на свете – это дожидаться и догонять», – писал в «Тихом Доне» Шолохов, и Сильвестр был не совсем согласен с классиком. Догонять не так сложно. Когда ты догоняешь, ты видишь спину бегущего впереди, цель, конечную точку. Когда же ждешь, данные понятия отсутствуют и психика постоянно напрягается от того, что ты не понимаешь, когда, сколько еще надо ждать, а вдруг бесконечность? А это понятие наш мозг не может осознать и начинает искать ему замену, поэтому при ожидании возрастает тревожность.

Понятие вселенной, вечности, слова «никогда» или «всегда» – это лишь слова и ничего больше. Человеческий разум так устроен, что

защищает своего владельца от сумасшествия, мозг знает, что у всего есть начало и конец, и так по кругу.

Сначала Сильвестр подумал, что это всего лишь его ощущения, что прошло слишком много времени, но когда солнце полностью село за горизонт, оставив лишь блики на сонном небе, а в доме у старика так и не загорелся свет, то ощущение переросло в уверенность.

Сильвестр решил зайти в дом и найти хозяина. Вдруг тому стало плохо? Помня про собаку, он очень аккуратно ступал по скрипучим половицам дома. Из маленького коридора вышел в большую комнату с печью, которая, в свою очередь, тоже оказалась проходной, и вышел на веранду. В сумерках Сильвестр увидел со спины хозяина, сидевшего на стуле, и Татарина, уютно расположившегося у его ног.

– А я вас там жду, – сказал он громко, и это почему-то прозвучало зловеще в тишине комнаты.

Татарин лишь лениво повернул в сторону вошедшего голову и, видимо, не увидев для себя ничего интересного, опять улегся в ногах у хозяина.

Сильвестр уже более уверенно обошел стул и увидел безжизненные глаза старика, открытые навстречу вечности. То, что старик был мертв, не вызывало никакого сомнения – Сильвестр уже видел такие глаза, тогда, когда страх пришел к нему в первый раз и, сев на горбушку верхом, до сих пор ехал на своем усталом носителе.

На мгновение глаза старика сменились теми, которые он видел каждый день во сне, и Сильвестр побежал. Он не отдавал себе отчета, зачем и куда он бежит. Впереди была не дорога, а чернота и грустные глаза, смотрящие в вечность. Возможно, он мог бы бежать так еще долго, но в лицо ударил резкий свет и удар в бок отбросил его в кусты. Сознание решило, что это избавление, и заставило мозг выключиться одним щелчком, как выключают в комнате свет.

Глава 4. Полина

– Ну, Васильевна, ты, конечно, тот еще водитель, – произнес в образовавшейся после столкновения гробовой тишине Вовка и тяжело вздохнул: – Ну что, примем на веру, что это была прекрасная лань, и поедем дальше или все же пойдем посмотрим, кого убили? – спросил он у замерших Полины и Герасима.

– По-по-почему сразу убили, – заикаясь спросила Поля, пытаясь оторвать руки от руля. – М-может, все еще обойдется.

– Оптимистка ты, Васильевна, – усмехнулся Вовка и открыл дверь машины. В свете фар никого не было видно, видимо тело отбросило в кусты. – Пошли, Герасим, проверим.

– Никуда я не пойду! – неуверенно, но громко и почти истерично ответил Гера. – Я же говорил, этот лес проклятый. Ты меня уверял, что это неправда. Вам что, мало доказательств?! Разворачивайтесь, Полина Васильевна, надо уезжать. Вовка, я беру свои обещания обратно, я не смогу никого здесь спасти.

– Герасим, возьми себя в руки, – велела Поля, увидев истерику студента и устыдившись своего недавнего поведения. Она выдохнула, чтобы немного унять сердцебиение, и вышла из машины вслед за увязавшимся с ними родственником.

Все в этом парне было странным: и поведение, и внешность. Копна пшеничных волос, голубые глаза и широкие плечи – это были, по ее мнению, атрибуты русского богатыря из сказки, но парень словно не знал об этом и постоянно улыбался всем вокруг, будто бы хотел понравиться. На вид он был ровесником Полины, но при этом называл себя как-то по-детски Вовкой и надо всем старался шутить.

В свете фар Полина видела, как он подошел к кустам и что-то там рассматривал, но ей было до тошноты страшно туда идти. Полина боялась узнать о непоправимом, о том, что она стала причиной смерти какого-то человека, и тогда все, ее жизнь остановится,

подведется черта, после которой ее, Полины Мохнорукой, такой, как сейчас, уже не будет. Потому что смерть непоправима.

И опять это ощущение конечности, оно словно преследовало ее в последнее время, накрывая ужасом, как покрывалом.

Наверное, самое страшное ощущение – это понимание конечности и даже не важно, чего именно, ощущение конца бьет по человеческому мозгу сильнее всего. Потому что мозг, защищая человека от страха и депрессии, запрещает размышлять в этом направлении. Даже если и разрешает иногда, то так, поверхностно, в духе игры, не давая заходить в полном понимании так далеко. И вот когда вместе с обстоятельствами в жизнь приходит вязкий привкус конца, он накрывает человека, словно лавиной. Все, это точка, изменить ничего нельзя. Именно это страшное понимание сейчас оттягивала Полина, словно смаковала минуты, где еще была надежда, что все обойдется, что все еще можно изменить.

– Васильевна, ты везунчик, ну или он везунчик. Однозначно кто-то из вас имеет собственного ангела на небесах, – крикнул из кустов Вовка и, выглянув, опять неуместно улыбнулся.

Но Полине вместо обычного желания треснуть его по голове захотелось кинуться к парню на шею и расцеловать. В его голосе звучало главное – надежда, то, с чем Полина до этого так тяжело прощалась.

– Он жив? – осторожно спросила Поля, медленно подходя к кустам, словно дав время Вовке ей все рассказать до того, как она увидит размах трагедии. – Это олень?

– Жив и даже в сознании, только почему-то молчит. Может, у него того, сотрясение мозга. С оленем ты перегнула, мало ли что у человека случилось, – крикнул он Поле и уже тише обратился к кому-то в кустах: – Мужчина, вы как?

– Там труп, – вместо ответа послышался голос, и Полина его узнала.

– Сильвестр Васильевич! – крикнула она удивленно и тоже заглянула в кусты. Там на земле вполне целый, по крайней мере

внешне, сидел преподаватель по кличке Пират и бредил.

– Ты его знаешь? – удивился Вовка.

– Это мой коллега, он тоже, вернее, он главный от института в лагере, ну то есть в группе, – ответила Поля.

– Вот умеешь ты объяснить, – похвалил ее молодой человек. – Ладно, давай посмотреть масштаб бедствия.

– Там труп, там труп, я видел, деда убили, он хотел что-то сказать, и его убили, – повторял бессвязно мужчина.

Вовка тем временем ощупал Сильвестра Васильевича и недоуменно хмыкнул:

– Что ж, ушиб ребер, синяк будет на всю бочину, а так, Васильевна, ты в рубашке родилась или, как я уже говорил, он. Тут уж и не поймешь, кому больше повезло. Хотя... – Вовка почесал затылок и добавил: – Возможно, ты ему башку сдвинула.

– Ну это ведь мелочи, – постаралась закрепить на радостной ноте Поля.

– Это для кого как, – вздохнул Вовка. – Некоторые с рождения так живут, а кому-то и некомфортно будет.

– Вы не понимаете, надо полицию вызывать, – прервал их спор потерпевший и встал на ноги. Было видно, что голова у него идет кругом, но он, схватившись за бок, где был ушиб, все же сделал несколько шагов на дорогу к машине.

– А может, ну ее, полицию, – предложил Вовка, обращаясь к мужчине. – Вы живы, девушка не виновата, вы выскочили на дорогу, как бешеный, я свидетель. Да и Гера подтвердит.

– Да при чем здесь ваша Полина Васильевна! – истошно закричал мужчина, видимо, собрав все силы. – Там в деревне, в двухстах метрах труп деда, его убили при мне!

– Какого деда? – было видно, что Вовка наконец понял, что все серьезно, и перестал ерничать.

– Того деда, что Влада вчера нашел? – спросила Поля, тоже поняв, в чем дело.

– Да, – кивнул Сильвестр и, охнув, опять схватился за бок. – Надо вызывать полицию.

– А вы почему сразу не вызвали? – недоумевавшая спросил Вовка. – И как это при вас убили, а вас почему-то пожалели? – допытывался парень, уже не улыбаясь.

Было видно, что Сильвестр замялся с ответом.

– У меня не было с собой телефона, – ответил он, – а почему меня не тронули, не знаю.

– Надо ехать на турбазу и оттуда звонить, – сказала Полина, глядя на свой телефон, который показывал «нет сети».

Когда с охами и ахами пострадавшего погрузили в машину, Вовка подошел к Полине и тихо сказал:

– Слышь, Васильевна, а ты этого хорошо знаешь?

– Ну как... – растерялась Поля. – Год работаем в одном коллективе, но близко не сталкивались, разные кафедры. А что? – тут же уточнила она.

– А то, что когда он говорил, что у него не было телефона, то автоматически потрогал карман. Сто процентов, что телефон там. Отсюда вопрос: зачем врет? – сказал Вовка, взглянув почему-то в небо.

– Да мало ли зачем люди врут, – сказала Полина, пристально посмотрев на молодого человека. – Вот ты точно врешь. На человека из глуши ты не похож, а ведешь себя странно.

– Принимается, – согласился Вовка и, сев на пассажирское сиденье, поинтересовался у Герасима: – Гера, ты все еще в панике или уже в истерике?

Но Герасим не ответил, а молча смотрел на Сильвестра Васильевича. Он не узнавал взрослого, серьезного и авторитетного человека, который непрерывно гладил свою бороду и, словно бред, повторял одни и те же слова:

– Деда убили, при мне убили... Я видел его мертвые глаза...

20 октября 1825 года

Крым

Георгиевский монастырь

(Балаклава)

– Какой же воздух в Крыму вкусный! – сказал Пашка и вдохнул своими огромными мужицкими ноздрями. – Вот, казалось бы, – продолжил он рассуждать, – Таганрох недалеко от Крыму, а все одно не то. Здесь можно одним воздухом наестся, никакой еды не надобно.

Александрю нравился этот парень. Он был не просто справным конюхом, личным кучером любимого скакуна Марса, но и добрым и чистым человеком. А еще при этом носил знаковое для Александра имя Павел.

Еще мальчонкой Александр одарил его своей милостью, когда однажды тот без стеснения подошел к императору на охоте, протиснувшись между ног достопочтенных господ, и смело сказал: «Зря вы, Ваше Превосходительство, так затянули удила, это же животное умная, она вас еще более слушаться будет, коли вы с ней ласково». «Ты кто?» – спросил тогда мальчонку Александр. «Пашка я, конюха тутошного сын», – представился парень. Когда его отец прибежал и упал в ноги к императору, моля пожалеть глупое дитя, государь уже сделал все выводы и определил мальчонку на свою конюшню в помощники конюхам, обязал при этом обучить его мастерству кучера, да и грамоте в придачу. Тот оказался не глуп и к двадцати годам уже ухаживал за любимым скакуном государя. Пашка знал, что иногда, когда император бывал в хорошем

настроении, ему позволялось делиться своими мыслями, которые одолевали его постоянно.

Александр I удивился бы, узнай он, что Пашка прекрасно видел, что императору порой нравились его рассуждения, его мирские мысли, и старался порадовать иной раз государя заготовленными историями. Иногда, целый день холя и лелея Марса, он прикидывал, что бы еще такого сказать государю, чтобы тот улыбнулся. Если быть до конца откровенным, то Пашка считал себя приближенным к Александру, потому как состоять при любимом скакуне – это же почти как при самом императоре. Когда он поделился по глупости этой мыслью с Иваном, что следил за лошадьми в упряжках, тот высмеял Пашку, сказав, что заезжал в Париж император на Эклипсе, значит, он и есть любимый скакун, а Марс так, просто хороший конь, и не более. Очень тогда обиделся Пашка на Ивана за такие слова и еще шибче стал начищать и без того красавца Марса. Когда ему велели собираться с царем в Таганрог, то все грустные мысли сразу вылетели из головы, потому как лучшего подтверждения, что Марс – любимый скакун, придумать было сложно.

И вот сейчас, когда император приказал приструнить коней, видимо, чтобы насладиться красотой природы, Пашка решил развлечь государя, как и раньше. Он внимательно следил за выражением лица императора: если хоть один уголок губ призывно поднимался вверх, замолчать Пашку мог заставить только обед или сон.

Эти размышления отвлекали Александра от глобального, позволяя насладиться чем-то совсем простым. Например, таким, как сейчас, как сказал конюх, вкусным воздухом Крыма.

– Я-то в Балаклаве и не был ни разу, – продолжал Пашка, видя, что государь не против его откровений.

Сейчас император ехал в открытой карете, а Пашка трусил рядом на Марсе, давая государю полюбоваться жеребцом.

Александр любил брать с собой своего скакуна и пересаживаться иногда на него, чтобы вновь почувствовать скорость и прыть, хотя,

чего врать, он хотел почувствовать себя молодым. Тем сильным мужчиной, по которому вздыхали все дамы.

Но за весь путь от Таганрога до Балаклавы Александр так и не сел на Марса. Мысли, воспоминания просто окружили его, как умирающего. Такого не было даже тогда, когда горела Москва и Наполеон хозяйничал там, а сейчас вдруг накатило и не просто не отпускало, а затягивало в свой омут.

– Место, куда мы направляемся, не простое, Божье место, – вдруг сказал Александр Пашке, чем очень напугал его. Обычно все их общение сводилось к обсуждению здоровья и настроения Марса.

Когда же Пашка разглагольствовал, император просто молчал, позволяя ему развлекать его своими неловкими рассуждениями, но чтобы сам государь вступил с ним в разговор – такого не было ни разу. Поэтому двадцатилетний Пашка, сын конюха, ставший по воле Божьей, заботе Богородицы и милости государя кучером императора и слугой любимого скакуна Александра I – Марса, замолчал и стал слушать с открытым ртом, боясь пропустить хоть слово.

Император подал знак остановиться и подошел к краю отвесной скалы, взглянув в бушующее осеннее море. Он был так величественен и прекрасен в своем белом мундире, что Пашке захотелось опуститься перед ним на колени. Государь смотрел вдаль с мыса Фиолент, и казалось, что он знает что-то большее, чем положено простому человеку.

Пашка встал поодаль, по привычке начав гладить Марса. Вдруг император оглянулся, нашел глазами Пашку и жестом позвал к себе.

– Видишь скалу? – сказал он ему, и молодой кучер закивал головой, как Марс при поклоне. – Очень давно здесь проплывали греческие мореплаватели. Их судно едва не разбилось о мыс Фиолент, но моряки взмолились святому Георгию Победоносцу, и буря, словно подчинившись какому-то приказу, тут же утихла. Подплыв ближе, в полном штиле они увидели на этой скале икону святого Георгия. Моряки поняли, что это знак Небес, и в

благодарность установили на скале крест, а на береговом склоне они основали обитель с пещерной церковью во имя святого Георгия Победоносца, – император указал в другую сторону, и Пашка увидел чудо.

На отвесной скале, словно паря над морем, стоял Георгиевский монастырь. Пашка не был уверен, что именно тому причиной – красота этих стен, заходящее солнце или вкусный воздух Крыма, но голова у него закружилась и показалось, что нечто яркое, божественное наклонилось над сводами монастыря, осветив его своей благостью.

В ужасе взглянув на императора, молодой кучер понял, что тот видел то же самое.

Глава 5. Настасья

На веранде сидела группа напуганных, ничего не понимающих людей и под шум дождя слушала странную историю, сказку, придуманную чересчур впечатлительным Герасимом. Настя была в их числе, но до конца не осознавала, что она – действующее лицо этой истории, а не просто наблюдатель. Девушка словно бы смотрела на них всех со стороны, как в театре. Ей казалось, что это плохой сон, с ней не могло такого произойти, просто не могло, потому что она особенная.

В последнее время Настасья Рузайкина, девушка красивая и обеспеченная родителями, не обделенная мозгами и острая на язычок, словно пребывала в постоянном сне. Конечно, все началось той ночью, с того ужасного происшествия и потянуло за собой череду страшных событий. И вот уже спокойный и рассудительный, а иногда даже злой препод по кличке Пират и какая-то чересчур легкомысленная и постоянно смеющаяся новая училка по кличке Доска, данной ей из-за отсутствия главной, по мнению студентов, женской достопримечательности, были в растерянности, если не в шоке.

Надо было уезжать домой еще тогда, не оставаться здесь ни на минуту, но животный страх разоблачения заставил остаться. После события и вовсе вышли из-под контроля, одно накладывалось на другое.

Да что вообще такое происходит, кто сумел ее перехитрить? Настя Рузайкина всегда делала то, что ей хотелось. Ее невозможно было взять ни на слабо, ни запугать, ни уговорить – она девушка с характером, всегда имела собственное мнение и не слушала чужого.

Настасья даже мысленно усмехнулась, потому что именно сумасбродство и желание поступать по-своему привело ее сюда – за этот круглый, накрытый белой скатертью стол на веранде, которую они все прозвали учебкой.

Старая, пахнущая мышами и свежей краской веранда примыкала к такому же старому барaku бывшего пионерского лагеря, который зачем-то реанимировали рядом с крутой турбазой, строящейся по соседству.

Если бы не ее несносный характер, то она могла через месяц, когда открывается зона отдыха для богатых, отдыхать там с папой и мамой, потягивать холодный мохито, заботливо принесенный официантом к настоящему бассейну, а не к тому позорищу, что поставили им организаторы соревнований между бараками.

Да, именно бараки – по-другому их Настя называть не могла. Деревянные строения хоть и были построены из кругляка и недавно перенесли небольшой косметический ремонт, но вид имели удручающий и нищевородский.

Мама так хохотала, когда узнала, куда направляется ее дочь, что прерывалась только на короткие рассказы о ее пребывании в этом заведении тридцать пять лет назад.

Как же хочется сейчас позвонить маме и попросить забрать домой. Сесть в ее уютный автомобиль, где пахнет роскошью, и всю дорогу слушать, как громко она смеется над язвительными комментариями Настасьи о проведенном времени. Никто так не смеется над ее шутками, как мама, легко, по-настоящему, словно бы ее и правда смешит каждое слово. От этих мыслей стало хорошо и спокойно на душе, словно Настя точно узнала, что в этом мире есть остров спасения и этот остров – ее семья, надо лишь набрать родные цифры на телефоне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration of a forest. In the center, a man with a long, flowing white beard is depicted from the chest up. He is wearing a dark blue or black hooded cloak over a red garment. His hands are clasped in prayer, holding a string of white prayer beads with a small cross at the bottom. The background shows tall, thin trees and a misty or foggy atmosphere. In the distance, a small wooden building and a red flag are visible. The overall mood is mysterious and somber.

СЕКРЕТ СИБИРСКОГО СТАРЦА

18+

ЮЛИЯ ЕФИМОВА

